

ББК 63.3(2)613-2

A.V. Drozdkov

Создание рыночной инфраструктуры в Сибири в условиях нэпа (1921–1923 гг.)

A.V. Drozdkov

Creation of a Market Infrastructure in Siberia in the NEP Conditions (1921–1923)

Рассматривается процесс становления рыночной инфраструктуры в Сибири в условиях нэпа. Анализируется состояние товарно-денежных отношений в годы «военного коммунизма», отношение советской власти к частному капиталу, деятельность бирж и ярмарок.

Ключевые слова: кризис, рыночная экономика, частная торговля, «военный коммунизм», крестьянство, биржа, ярмарка.

Победа большевиков в Гражданской войне означала наступление качественно нового этапа в развитии советского государства. Упадок промышленности и сельского хозяйства, угроза голода и эпидемий, многочисленные людские потери, утрата золотого запаса, необходимость скорейшей демобилизации армии, выросшей до огромных размеров и несоизмеримой с возможностями ее содержания, – вот основные проблемы, с которыми столкнулось правительство большевиков после окончания Гражданской войны.

Выход из масштабного кризиса руководители РКП(б) видели в принятии решительных шагов экономического плана, т.е. включение рыночных регуляторов, товарно-денежных отношений, частного капитала и всех других капиталистических методов хозяйствования.

Вместе с тем переход к рынку не был новым явлением в хозяйственной практике страны. В начале XX в. Россия имела единый рынок со свойственной ему российской спецификой. В годы Первой мировой войны и до Гражданской войны он определенным образом видоизменился, испытывая давление государства. Более жесткая политика отношения к рынку началась в период «военного коммунизма», когда большевики развернули широкомасштабную «красногвардейскую атаку» на капитал. К ноябрю 1918 г. Центральным органом Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и его провинциальными отделениями было издано до 900 постановлений, направленных на ограничение рыночных отношений [1, с. 135]. В литературе советского периода отмечается, что большевики расправились с рынком так же, как с белыми генералами. В то же

The work considers the process of setting up market mechanism in Siberia in the NEP conditions and analyzes the state of commodity-money relations in the «military communism» years, the relation of the Soviet power to the private capital, activity of stock exchanges and fairs.

Key words: crisis, market economy, private trade, «military communism», peasantry, stock exchange, fairs.

время, вопреки всем благим желаниям новой власти, рынок оказался живучим.

Социально-экономические интересы носителей рыночных отношений – крестьянства, представителей частной торговли, кооперации – проявлялись в разнообразных формах и вынуждали государство считаться с ними, идти на определенные уступки. В числе первых уступок советская власть предоставила право рабочим организациям закупать нормированные продовольственные продукты. Кроме того, разрешалось свободно торговать товарами, которые не являлись продукцией национализированной промышленности и не входили в перечень нормированных. Торговля изделиями кустарной, ремесленной, мелкой частной промышленности оставалась свободной. Январский декрет 1919 г. «О заготовке продовольственных продуктов» санкционировал «свободный подвоз и свободную продажу на базарах и рынках, с ввозом монополизированных продуктов» [2, с. 51].

Основа выживания рынка была заложена в самой природе и структуре народного хозяйства: мелкотоварное крестьянское хозяйство, кустарная промышленность, промыслы, ремесло и другие формы хозяйства могли функционировать и взаимодействовать только при рыночных отношениях.

Другой причиной выживания рынка в условиях «военного коммунизма» можно назвать революционную страсть большевиков к победе на фронте Гражданской войны, а не на экономическом. «Все для Красной Армии» – так ставился вопрос В.И. Лениным. Он же признался на X съезде РКП(б), что «мы слишком далеко зашли на пути национализации торговли

и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно» [3, с. 117]. Мелкотоварное крестьянское хозяйство сумело выдержать противостояние с государством и тем самым обеспечило функционирование рынка.

К концу Гражданской войны рыночные отношения развивались в форме как денежного, так и натурального обмена. Обе формы были неразрывно связаны между собой, питая и поддерживая друг друга. В то же время каждый местный рынок имел свою специфику функционирования, в зависимости от политики местных органов власти. Примером может служить Сибирский край, где партийные и советские органы в первые месяцы после победы над Колчаком проявили определенную гибкость и осторожность при проведении мероприятий в области регулирования рыночных отношений.

Осмотрительный подход диктовался как местными сибирскими социально-экономическими и политическими условиями (преобладание крестьянского населения в Сибири, привыкшего традиционно сбывать излишки своего хозяйства путем свободной торговли, так и общими, присущими в целом Советской республике (продолжавшаяся Гражданская война, интервенция, разруха в стране, расстройство отраслей народного хозяйства) [4, с. 68–69].

В сентябре 1919 г. Сибревком принял постановление «О порядке частной торговли», в котором запрещалось на всей территории Сибири закрытие базаров и базарных площадей. Крестьянам разрешалось беспрепятственно торговать на них сельскохозяйственными продуктами. Ограничение в торговле касалось лишь некоторых предметов, в которых остро нуждалась Красная армия: варежек, валенок, полушубков. Запрещение на свободную торговлю распространялось также на нормированные товары промышленного производства, изготовленные кустарями и частными предприятиями, за исключением кооперативных организаций, – мануфактуру, нитки, вату, сахар, соль, чай, кофе, обувь, кожу, табак, спички, мыло, керосин, свечи, смазочные масла, металлы и изделия из них, сельскохозяйственные орудия, машины и пр. [5, с. 7].

Постановление предусматривало также заготовку хлебобудущих в фонд государства не разверсткой, а «самотеком», путем добровольной поставки крестьянами Сибири хлеба и фуража на основе купли-продажи.

Однако нехватка у продовольственных органов Сибири промышленных товаров, способных удовлетворить в полной мере крестьянство края в качестве платы за добровольные поставки хлеба и иных сельскохозяйственных продуктов на основе товарно-денежных отношений, отмена колчаковских денег и недостаток советских делали невозможным успешное осуществление постановления Сибревкома в течение длительного времени. В таких условиях

тому же крестьянству было выгоднее произвести обмен хлеба на промышленные товары на частном рынке, чем получать их у государственных органов. В связи с голодом и дефицитом промышленных товаров цены на вольном рынке росли с катастрофической быстротой. Так, рост рыночных цен по пяти городам Сибири (Барнаулу, Иркутску, Омску, Красноярску и Семипалатинску) за семь месяцев 1920 г. (с 1 апреля по 1 ноября) составил: по муке – 21 раз, мясу – 16, ткани – 16, сапогам – 10, а по общей стоимости жизни – 16 раз. Быстрее всего росли цены в Иркутске, их рост за семь указанных месяцев 1920 г. составил 30 раз [6, с. 8].

Необходимо подчеркнуть, что после разгрома колчаковщины в Сибири местные органы советской власти предпринимали попытки по регулированию частной торговли. Главной целью предпринимаемых мер было ограничение или разрешение на передвижение продовольственных товаров, предназначенных для свободной продажи в границе определенной территории: уезды, рынки и базары. Из сферы частной торговли изымались все продукты, подлежащие сдаче государству: мясо, мука, крупы, пшеница, рожь, овес, масло, сыр, соль. По мере углубления продовольственной разверстки и расширения ее масштабов в сферу запрещения частной торговли вовлекалось все большее число продуктов, подлежащих сдаче государству. Переход к государственной монополии на распределение продуктов позволил обеспечить продовольствием Красную армию, рабочих и голодающее население Европейской России, прокормить городское население Сибири.

Масштабная сдача продуктов государству как вынужденная мера не смогла ликвидировать рынок. Как свидетельствуют документы по Сибири, подпольный рынок и частная торговля нормированными продуктами и товарами продолжала существовать до перехода к нэпу. Однако борьба органов советской власти с ними велась постоянно. Особенно она усилилась в крае весной-летом 1921 г. Это было связано, с одной стороны, с плохими видами на урожай 1921 г. в Центральной России и с вывозом хлебобудущих за пределы Сибирского края в голодающие районы с целью подороже продать. С другой стороны, после принятия на X съезде РКП(б) курса на переход к нэпу, продразверстка в Сибири как одна из существенных военно-коммунистических мер, в отличие от центральных районов страны, продолжала существовать вплоть до осени 1921 г.

Важно подчеркнуть, что к началу нэпа Россия была страной, потенциально готовой к становлению рыночной экономики. Эта готовность заключалась в наличии многоукладности и субъектов рыночных отношений, обладающих реальным опытом хозяйствования. Переход к нэпу создавал определенные условия для реализации рыночного варианта развития страны. Однако

к использованию рынка как основы взаимосвязи всех существующих укладов Ленин и его соратники подходили довольно осторожно. В разгар крестьянских восстаний в феврале 1921 г., когда борьба шла по принципу «кто кого?», Ленин был еще далек от понимания важности ввести рыночный механизм хозяйствования, чтобы остановить поднимающуюся крестьянскую контрреволюцию. Делались лишь первые шаги на пути к рынку, через замену продразверстки натуральным налогом. Ленин смотрел на продналог прежде всего как на метод предотвращения крестьянских восстаний. Это был политический маневр.

Ленин считал, что дорога к социализму лежит через общенациональный учет и контроль за производством и распределением продуктов. В этой концепции оздоровления экономики, естественно, выдвигалось государство вообще, прочная и стабильная центральная власть в особенности.

Активная легализация рынка началась осенью 1921 г. Основы торгового законодательства были закреплены резолюциями IX Всероссийского съезда Советов и Наказом о хозяйственной работе ВЦИК, где говорится, что «Съезд Советов предписывает шире прибегать к частнохозяйственным предприятиям в деле сбора сырья, вывоза его и всякого рода развития торговли», что «все предприятия, снятые с государственного снабжения, получают необходимые им средства путем реализации своей продукции на рынке» [7, с. 43].

Были пересмотрены статус и функции кооперативов. Их права расширились. Центросоюз мог теперь производить товарообмен как в натуральной, так и в денежной форме. Частично предоставлялась коммерческая самостоятельность кооперации, в частности, в установлении цен в зависимости от рыночной конъюнктуры. Наркомпроду разрешалось – в случае слабости местных органов потребительской кооперации – привлекать к сделкам как частных лиц, так и возрождающиеся независимые кооперативы.

По мере того, как рынок все глубже проникал в сферу народного хозяйства, государство постепенно стало отказываться от своих монопольных прав на некоторые объекты оборота, бывшие до этого изъятыми из свободного обращения. Так, например, декретом ВЦИК и СНК от 23 февраля 1922 г. отменяется монополия на соль; декретом СНК от 23 марта 1922 г. разрешается свободная заготовка, переработка, покупка и продажа кожевенного сырья; постановлением СНК от 28 апреля 1922 г. допускается свободная торговля всеми видами пушнины; постановлением СНК от 8 мая 1922 г. отменяется государственная монополия на распределение и торговлю сельскохозяйственными орудиями, семенами и другими средствами сельскохозяйственного производства [8, с. 41].

В то же время государственная власть, допуская некоторые объекты на вольный рынок ввиду их осо-

бого и специального значения, регламентировала обращение их определенными правилами. Так, утверждается инструкция о продаже игральные карты на внутреннем рынке и порядке отпуска их за границу; устанавливаются правила о порядке торговли древесным топливом и лесными материалами; НКВД издает инструкцию о порядке выдачи разрешений на торговлю медикаментами и мясными продуктами (главным образом с точки зрения ветеринарно-санитарного надзора) [9, с. 18].

Переход к рыночным отношениям вызвал легализацию частного капитала. В исторической литературе накоплен большой фактический материал и сделаны интересные обобщения о политике Советского государства по отношению к нэпманам. Вместе с тем в последние годы в отечественной историографии наметилась волна одностороннего подхода к оценке деятельности частных торговцев в годы нэпа. Исследователи бросились из одной крайности в другую. Если в советской историографии доказывалась необходимость борьбы с частным капиталом [10, с. 22], то в историографии демократической России [11, с. 23] частный капитал защищается всеми правдами и неправдами. На наш взгляд, требуется более широкий взгляд на участие нэпманов в социально-экономических преобразованиях 1920-х гг.

В первые годы нэпа отношение органов власти к частной торговле было довольно напряженным. Делая основной упор на государственный товарообмен, Советское государство смотрело на частную торговлю как на зло, с которым следует вести постоянную борьбу. Частного предпринимателя большевики заклеймили как вора и стяжателя, для которого, как писала «Советская Сибирь», не было «ниного способа накопления, кроме открытого грабежа и мошеннических махинаций» [12].

В основе такого отношения к нэпманам лежало положение марксистской доктрины о том, что прибавочная стоимость может образовываться исключительно путем эксплуатации наемного труда, прибыль, полученная частным предпринимателем, это всегда не заработанный им доход.

Выполняя решение X съезда РКП(б), советское правительство приняло ряд законов, предоставивших частному капиталу свободно заниматься торговлей и посредническими операциями, участвовать в государственных подрядах и поставках, вкладывать капитал в промышленное производство и т.п. В июле 1921 г. правительство утвердило инструкцию о порядке открытия и производства всякой торговли и правила надзора за ней. Для этого требовалось выбрать патент, получить разрешение местного Совета. Первоначально разрешалось торговать почти исключительно продовольственными товарами. Только в ноябре 1921 г. была сужена монополия на промышленные товары, открыт доступ на частный рынок сельскохозяйствен-

ных орудий, строительных материалов, кожевенного сырья и т.п. Государственная монополия сохранилась на спиртные напитки, драгоценные камни и металлы, продукцию крупной промышленности, внешнюю торговлю.

К этому необходимо добавить и то, что законодательство, помимо предоставления частному капиталу свободы торговли и посреднической деятельности, ограничило сферу его деятельности жесткими рамками. Частные предприниматели не могли открывать предприятия с числом рабочих более 20, выступать посредниками между государственными и кооперативными организациями. Эти запреты дополнялись системой административных мер регулирования предпринимательской деятельности. По решению хозяйственных органов могла приостанавливаться продажа частным предприятиям изделий государственной промышленности, определенных видов сырья, перевозка по железным дорогам грузов, принадлежащих промышленникам и торговцам.

Следует отметить, что сибирская власть в лице Сибревкома рассматривала допущение частнопредпринимательской деятельности в контексте других мер нэпа. Так, в июле 1921 г. Сибревком принял постановление о возможности передачи промышленных предприятий кооперативным организациям, частным лицам и концессий иностранным лицам [13, с. 141–143]. Внедрение частного капитала в местную промышленность предполагалось осуществить в различных формах: путем аренды, возврата промышленных предприятий их бывшим владельцам и пр. Обязательным условием для внедрения частного капитала в промышленное производство являлось получение на эту деятельность разрешения со стороны губернских экономических совещаний, приобретение соответствующего патента, соблюдение санитарных норм производства, контролируемое профсоюзами, своевременные выплаты арендной платы. Введение соответствующей документации, уплата налогов в соответствии с тарифной сеткой и принадлежностью предприятия к тому или иному разряду [14, с. 34].

Будущие бизнесмены обычно владели ограниченным капиталом, частично сохранившимся с дооктябрьских времен в виде золота, драгоценностей и товаров, частично накопленных в предшествующие годы. В условиях советской действительности, когда контроль за деятельностью предпринимателей ужесточился, возможности легального обогащения значительно сократились [15, с. 7].

Вместе с тем нестабильная экономическая ситуация и специфические хозяйственные условия определили и «нестандартные» способы и приемы частных накоплений. Речь идет о государственной собственности, которую руководство государственных предприятий вынуждено было из-за недостатка оборотных средств в условиях перехода от централи-

зованной системы «военного коммунизма» к коммерческому расчету продавать, зачастую за бесценок, как накопившуюся на складах продукцию, так и часть не только законсервированного, но и действующего оборудования. Этим воспользовались предприимчивые посредники. Житель Новониколаевска С.Е. Пинаев, например, в начале 1922 г., заплатив 3 тыс. руб., приобрел на заводе холодильников 3 вагона сортового железа. Реализовав его через несколько месяцев, предприниматель получил 10 тыс. руб. чистой прибыли. Закупив в Сибглаввоенпромторге 30 пудов олова по 30 руб. за пуд, Пинаев продал его по 80 руб. Другой частный торговец, тоже житель Новониколаевска, М.Т. Шишов приобрел в местном губпродкоме по заведомо заниженным ценам 5 вагонов гвоздей на сумму 15 тыс. руб. Чистая прибыль от реализации товара на сибирских и уральских рынках составила более 30 тыс. руб. [16, с. 207].

Источником формирования частного капитала в Сибири являлась аренда промышленных предприятий, мельниц, жилых домов и т.д. Предприниматели зарабатывали и преумножали свой капитал, работая контрагентами государственных организаций по заготовке сырья. Так, абсолютное участие частного капитала в заготовительных операциях госторгов в 1922/23 гг. достигло 70% от общей суммы заготовок [17]. Госторги, не имея широкой товаропроводящей сети, использовали частную розницу для реализации своих товаров. Так, торговые предприятия Сибпромбюро ВСНХ в 1922 г. более 40% имеющих у них товаров – мануфактуры, стекла, табака, кожтоваров, соли, железа, металлоизделий, сельскохозяйственной техники и подобного – продали через частные предприятия [18, с. 104].

В первые годы нэпа частным торговцам и промышленникам удавалось успешно обходить большинство запретов и избегать контроля со стороны финансовых органов благодаря небольшим размерам предприятий, которые меньше, чем крупные, нуждались в налаженных каналах сбыта продукции, кредитах, источниках сырья. Этому способствовала и высокая мобильность частных предпринимателей, которые легко меняли вид занятий под воздействием хозяйственной конъюнктуры.

В становлении рыночного механизма важная роль отводилась биржам и ярмаркам. Между тем биржевая и ярмарочная торговля в полной мере еще не исследована, что объясняется как недостаточностью статистических данных и документальных материалов, так и сложившимися взглядами на биржи и ярмарки как отсталые, утратившие былое значение. Вместе с тем надо учесть, что биржам и ярмаркам принадлежала заметная роль в удовлетворении первичных товарных потребностей многомиллионного сибирского крестьянства и значительной части городского населения.

Биржа как форма рынка, исторически сложившаяся в условиях капитализма, стала организацией, для которой характерными были регулярные, приуроченные к определенному месту и времени деловые собрания, где осуществлялся оптовый торг путем заключения подчинявшихся специальным правилам соглашений и устанавливались цены, приемлемые для участников сделок.

В 1870 г. в России насчитывалось 17 бирж, в 1904 г. – 56, в конце 1913 г. – 94, а в 1926 г. в СССР число их достигло 109, что превышало приблизительно в три раза биржевую систему Германии [19].

Первая биржа в Советской стране была открыта в августе 1921 г. в Саратове, а концу 1921 г. работало уже 6 товарных бирж. В течение 1922 г. было образовано 79 бирж, в том числе семь в Сибири: Новониколаевская и Томская – в марте, Иркутская – в апреле, Барнаульская – в мае, Красноярская – в июне, Омская – в июле, Бийская – в ноябре [20, с. 34].

Определяя задачи бирж в деле регулирования рыночных отношений, Сибревком в начале апреля 1922 г. утвердил положение о товарной бирже и обязал все государственные торговые заведения проводить все свои сделки только через товарную биржу. Этим постановлением государственной торговле и потребительской кооперации предоставлялось преимущественное право покупать товары у государственных оптовых организаций.

Товарные биржи Сибири с первых дней своей работы активно приступили к собиранию и публикации сведений о ценах, выявлению соотношения спроса и предложения, изучению состояния рынка и наличия товарных запасов. Биржи стали сигнализировать о повышении активности частных капиталов в торговле того или иного района Сибири. Заметно росли и торговые обороты бирж. В этом плане особенно выделялась Новониколаевская биржа, которая была самой крупной в Сибири.

Новониколаевская биржа первое время уступала Омской бирже, но по мере развития города Новониколаевска как центра хозяйственной жизни Сибири обороты биржи стали возрастать, а удельный вес других сибирских бирж увеличивается. Если в 1922 г. ее обороты составляли 6,6 млн руб., то в 1923 г. они увеличились почти в пять раз и достигли 31,3 млн руб. В 1923/24 гг. обороты Новониколаевской биржи составляли 32,6% от общесибирского биржевого оборота. В 1922 г. в биржевой торговле Новониколаевской губернии обороты государственной и кооперативной торговли составляли 2/3 объема оптового товарооборота. Что касается частной торговли, то ее оборот составил 20% [21].

Заметную роль в товарообороте играла Омская товарная биржа. Биржа находилась в общем ведении Комвнурторга при СТО (Совет труда и обороны) и в ближайшем ведении Омского губэконо. По уста-

ву биржи членами ее могли быть государственные предприятия, кооперативные товарищества, частные торговые и промышленные предприятия и лица, уплачивавшие промышленный налог не ниже 3-го разряда по торговле и 5-го по промышленности. Биржа управлялась общим собранием членов биржевого общества, а исполнительным органом являлся биржевой комитет, состоявший из председателя и 9 членов комитета. Председатель и не менее половины членов комитета должны были иметь советское гражданство.

Важную роль в деятельности товарной биржи играли торговые посредники – маклеры, так как на них лежала полная ответственность за совершаемые торговые операции. Поэтому они избирались из доверенных лиц и занимали свою должность бессрочно. Биржевый маклер не имел права заниматься непосредственно торговой деятельностью, а лишь посредничеством. Он должен был досконально знать торговое законодательство и строго хранить коммерческую тайну. Особую роль в биржевой торговле играл старший маклер, который не только сосредоточивал в своих руках руководство маклерами, но и определял возможность заключения сделки на бирже, мог повлиять на выгодность условий той или иной сделки.

Особенностью работы Омской биржи являлось то, что с самого начала ее деятельности частный капитал проявил к ней живой интерес. В июле 1922 г. участие частной торговли в операциях биржи составляло 53%, а в августе доля его участия возросла до 71,6%. Омский губком РКП(б) не мог допустить лидирующей роли частного капитала в биржевом обороте, и в течение осени 1922 г. и весны 1923 г. было проведено тщательное обследование работы государственных и кооперативных торговых организаций, укрепление их партийными кадрами и усиление кредитования со стороны Госбанка. Проведенная работа заметно усилила рост капитала государственных органов. Так, если с июля по сентябрь 1922 г. капитал госорганов в биржевом обороте составлял 18,5% по продаже и 53% по покупке, то с января по апрель 1923 г. он вырос соответственно до 78,7 и 73%. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы [22, с. 285].

Для оценки деятельности бирж в рыночных отношениях очень важным является вид продукта, который был объектом торговых сделок. Поскольку Сибирь является сырьевой и продовольственной базой, то какие товары преобладали в биржевом обороте, такие же во внебиржевом. Так, в биржевом обороте сибирских бирж в 1922/23 гг. преобладали продукты питания – 20,5% к общему обороту биржи, текстильные товары – 16,8%, металлы – 10,%, лесные и строительные материалы – 10,5% и разные товары составляли – 22,9%. Что касается внебиржевого оборота, то здесь преобладающим товаром было сельскохозяйственное сырье – 24,3%, металлы – 6,6%, лесные и строительные материалы – 5,1%.

Надо отметить, что объем сделок на товарных биржах во многом зависел от общей обстановки на рынках Сибири. К сожалению, в первые годы нэпа возрождающиеся рыночные отношения находились в состоянии первичного хаоса. Главным пороком были обилие посредников и, соответственно, многократные наценки на товары. Многие промышленные товары из городов центральной России, в первую очередь текстильные, сельхозинвентарь, до потребителя доходили через 6 посредников, и примерно во столько же раз возрастала цена на эти товары. Из-за дороговизны товар был недоступен рядовому потребителю. Для Сибири главный потребитель – крестьянин. Несмотря на то, что тяжесть налогообложения постепенно уменьшалась, но вплоть до 1924 г. по налогу крестьянин должен был сдавать половину собранного урожая. На оставшуюся часть государственные заготовительные цены были очень низкими, поэтому имелся большой разрыв в покупательной способности городских и сельских жителей. Так, в 1923 г. покупательная способность сельского жителя Алтая составляла 9 руб. 18 коп., а городского – 98 руб. 32 коп., разница более чем в 10 раз [23, с. 153].

В первые годы нэпа наряду с биржами важную роль в рыночном механизме играли ярмарки. В системе эволюции торговли ярмарка является одной из ранних форм организации рынка. Ярмарки в России всегда играли в торговом обороте значительную роль. В этом сказывались те особенности, которые были присущи всему строю русской хозяйственной жизни. Обширные, отсталые и плохо связанные транспортом с центром страны окраины, преобладающее значение мелкого производства – все это являлось благодатной почвой для ярмарочного торгова.

Возродившиеся ярмарки имели двойственный характер. С одной стороны, они способствовали восстановлению народного хозяйства через развитие товарооборота на началах свободной торговли, а, с другой стороны, являлись средством непосредственной связи деревни с городом, через госторговлю и кооперацию. Одновременно через ярмарочные торги государство вело борьбу с посредниками в лице частного капитала.

Как форма местного товарооборота ярмарки стали развиваться в отдельных районах нашей страны с первых дней нэпа. В 1922/23 гг. открылось уже до 600 ярмарок [24, с. 185]. В 1922 г. возникают крупные оптовые ярмарки областного и общегосударственного значения, содействовавшие выявлению как общего размера и структуры спроса, так и имевшихся в стране товарных ресурсов. Особо значительна была организующая роль ярмарок, так же, как и товарных бирж, в торговле сельскохозяйственным сырьем и кустарными товарами, а также продукцией несиндицированной местной промышленности.

Удачный опыт проведения крупных ярмарок в Европейской России (Нижегородская и Ирбитская

ярмарки) показали важность использования их в деле регулирования рынка. Это послужило толчком к принятию важных решений органами сибирской власти.

В Сибири по инициативе Сибпромбюро в июле 1922 г. была организована общесибирская ярмарка в виде контрактново-ярмарочного съезда. Его основной целью было объединение и сближение губернских рынков и отдельных районов Сибири. В работе съезда приняли участие государственные промышленные и торговые организации, а также Сибцентрсоюз, Сибдальвнешторг и др. Обороты первого Сибирского съезда-ярмарки составили свыше 60 млн руб.

Осенью 1922 г. при губисполкомах Сибири были созданы комиссии, целью которых было выявление экономического значения ярмарок в торговом обороте.

Большое внимание комиссии уделяли изучению рыночных и базарных цен. Для процесса ценообразования роль ярмарок и городских базаров была более значительна, чем роль бирж, потому что они были самой массовой разновидностью рынка. В справочниках, бюджетных обследованиях, официальных документах указывались именно рыночные и базарные цены. Так, например, в Алтайской губернии цена пшеницы за 1 пуд минимальной была в декабре – 72 коп., максимальной в марте – 1 руб. 11 коп. Цена на сливочное масло самой низкой – 28 коп. за фунт – была в апреле, самой высокой – 55 коп. за фунт – в сентябре. Цена костюма мужского праздничного колебалась от 18 до 28 руб. Средний месячный доход был у текстильщиков – 38 руб., у пицеевиков – 40 руб., у служащих – 50 руб. Годовой оборот всех ярмарок губернии превышал 1 млн зол. руб.

Анализ работы первых ярмарок позволил Сибревкому в ноябре 1922 г. принять постановление «О сельских ярмарках» [25, с. 19]. Учитывая сибирские условия (разбросанность населения, отсутствие организованного торгового аппарата в деревне и др.), Сибревком удлинил ярмарочный торг до семи дней. Кроме того, в целях поощрения развития местных сельских ярмарок Сибревком направил в СТО ходатайство об освобождении сибирских ярмарок продолжительностью до семи дней от взимания промыслового налога за право торговли. В феврале 1923 г. СНК удовлетворил ходатайство Сибревкома.

Первая ярмарочная кампания 1922/23 гг. прошла слабо, неорганизованно. Основной причиной этого было отсутствие опыта у советских и партийных органов в проведении ярмарочных торгов. К тому же крестьяне, опасаясь попусту тратить время, на первых порах занимали выжидательную позицию. В дальнейшем, по мере накопления опыта и завоевания авторитета, ярмарки стали привлекать большое количество организаций и отдельных крестьян.

Зимой 1922 г. на Алтае состоялись три сельские и три городские ярмарки, городская ярмарка в Омске, две городские ярмарки в Тюкалинске и 11 сельских

ярмарок в Омской губернии. Сельские алтайские и омские ярмарки выявили спрос крестьянства на промышленные товары и предметы первой необходимости (соль, керосин, мыло, спички), а также на рабочий скот.

Необходимо отметить, что если в 1922 г., в условиях падающей стоимости валюты, крестьяне в большинстве случаев выступали на ярмарочных торгах в виде представителей товарообменных сделок, то уже в начале 1923 г. товарообменные операции отходят на задний план, а основное значение начинают иметь денежные расчеты. К этому же периоду ярмарочные торги в Сибири начали принимать плановый характер. Учитывая преобладание сел, главное внимание сибирские власти стали уделять развитию сельских ярмарок. Если омские и алтайские ярмарки сумели заявить о себе в 1922 г., то ярмарочная кампания в других сибирских губерниях началась только в 1923 г.

Вместе с тем в 1923 г. общие условия для развития ярмарок оставались неблагоприятными. Так, по-прежнему была недостаточной регламентация ярмарочного торга (порядок, правила, льготы); выросли налоговые требования по сравнению с 1922 г. Омский губисполком, например, повысил местный сбор на 50%. Не хватало денежных знаков; местами торги продолжали проводиться путем товарообмена.

Все эти отрицательные моменты отразились на ходе ярмарочной кампании в 1923 г. Так, из запланированных Томским губисполкомом 13 ярмарок состоялось лишь 6, в следующих городах: Мариинске, Кузнецке, Щеголовске, станции Ижморской и в селах: Подонике, Борисове и Тымском. А в Алтайской губернии из 14-ти разрешенных ярмарок состоялось лишь 8: в Бийске, Рубцовске и селах: Сорокине, Могульском, Салтонском, Черном Ануе и Чарышской пристани.

Несмотря на организационные неувязки, отношение крестьян к ярмаркам оставалось положительным

и более активным, чем в 1922 г.: увеличилась посещаемость ярмарок, возрос товарооборот. Так, по обороту главную роль играла госторговля, за ней шла кооперация, на третьем месте – частный капитал.

Крестьяне просили и предлагали те же товары, что и в 1922 г., но в 1923 г. они предпочитали продавать свой товар за наличный расчет, так как нуждались в деньгах для уплаты сельхозналога. Дорогие товары (например мануфактуру) деревня брала мало. Госторги и кооперация скупали главным образом пушнину, шерсть и сырье; частные торговцы – еще и сельскохозяйственные продукты, продавали галантерейные и бакалейные товары на 10–15% дороже кооперации и госторгов и стремились перекупить крестьянские товары до ввоза их на ярмарку (за селом, во дворах).

Примечательным было то, что в 1923 г. возродились некоторые ярмарки, действовавшие еще до 1913 г.: Ленская, в Верхоленске, Казарне и две в Кабанске. Население на этих ярмарках сбывало главным образом соленую рыбу, скот, а покупало хлеб, кожу, посуду и мануфактуру. Скупщиками выступали, как правило, частные торговцы.

В целом ярмарки как один из сегментов рыночного механизма явились удобными рынками сбыта сельскохозяйственной и кустарной продукции и закупки на них промышленных товаров и предметов широкого применения. Стимулами к участию крестьян в ярмарках служила нужда в деньгах на уплату сельскохозяйственного налога; возможность подороже сбывать на ярмарках свою продукцию и дешевле купить городские товары.

Таким образом, становление рыночного механизма в Сибири было сопряжено с объективными трудностями послевоенного времени. Для легализации рынка были приняты все необходимые нормативные документы, что позволило вовлечь в рыночные отношения все слои общества и тем самым начать восстановительные процессы в народном хозяйстве.

Библиографический список

1. Шерман С. Внутренний рынок и торговый сбыт Советской России. Подпольный рынок и преступная торговля // НЭП. Взгляд со стороны : сб. ст. – М., 1999.
2. Суворова Л.Н. За «фасадом» военного коммунизма: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. – 1993. – №4.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 38.
4. Прошин В.А. Свертывание свободной торговли в Сибири в условиях военного коммунизма (конец 1919 – начало 1921 гг.) // Сибирь – мой край. Проблемы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1999.
5. Известия Сибирского революционного комитета. – 1920. – №1.
6. Жизнь Красной Сибири. – 1921. – №3–4.
7. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ). – 1922. – №4.
8. СУ. – 1922. – №19. – Ст. 211.
9. Известия НКВД. – 1922. – №12.
10. Трофимов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М., 1975.
11. Килин А.П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы нэпа. – Екатеринбург, 1994.
12. Советская Сибирь. – 1921. – 27 марта.
13. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 гг. : сб. документов и материалов. – Новосибирск, 1959.

14. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. – Барнаул, 1998.
15. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. – М. ; Л., 1927.
16. Демчик Е.В. К вопросу об источниках формирования частного капитала Сибири в первые годы нэпа // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. – Вып. 2: XVIII в. – 1920-е гг. – Барнаул, 1997.
17. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. 659. – Оп. 1. – Д. 60.
18. Жизнь Сибири. – 1923. – №2.
19. Государственный архив Омской области. – Ф. 305. – Оп. 1. – Д. 246.
20. Товарные биржи в Сибири в 1924–25 гг. – Ново-николаевск, 1926.
21. Советская Сибирь. – 1923. – 18 янв.
22. Жизнь Сибири. – 1923. – №11–12.
23. Дьяченко Ю.С. Развитие торговли на Алтае в 1920-е гг. Биржи и ярмарки // Предпринимательство на Алтае XIII в. – 1920-е гг. – Барнаул, 1993.
24. Рубинштейн Л.Г. Развитие внутренней торговли в СССР. – Л., 1964.
25. Жизнь Сибири. – 1922. – №2.